

Протоиерей Кирилл КРАСНОЩЕКОВ,
кандидат богословия

САРАТОВСКАЯ ЕПАРХИЯ В 1917 ГОДУ. ЧАСТЬ 2. ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ

Аннотация: Статья посвящена переменам, которые произошли в жизни приходского духовенства Саратовской епархии в революционном 1917 году. Показано, как менялось отношение духовенства к политическим событиям, от восторженного до настороженного и пессимистического; как развивались отношения священника с прихожанами и ухудшалось материальное положение духовенства. Вторая часть статьи посвящена вопросам содержания духовенства, наделения причтов землей и угодьями, изгнанию духовенства из приходов, выборам приходского духовенства, мерам, предпринимаемым Епископским Советом для защиты и поддержки духовенства, попыткам создания «Профессионального союза духовенства Саратовской епархии».

Ключевые слова: Саратовская епархия, причтовая земля, плата за требы, случаи изгнания духовенства, выборы духовенства, Епископский Совет, «Профессиональный союз духовенства Саратовской епархии».

Archpriest Kirill KRASNOSHCHEKOV,
candidate of theology, senior lecturer

SARATOV DIOCESE IN 1917. PART 2. PARISH CLERGY AND THE REVOLUTION

Abstract: The article is devoted to the changes that occurred in the life of the parish clergy of the Saratov diocese in the

revolutionary year of 1917. It is shown how the attitude of the clergy to political events changed, from enthusiastic to worried and pessimistic; how the relations of a priest with parishioners developed and material position of the clergy got worse. Part 2 of the article is devoted to the maintenance of the clergy, endowment of the clergy with land and fields, the expulsion of the clergy from their parishes, the election of the parish clergy, measures taken by the Episcopal Council to protect and support the clergy, attempts to create a «Professional Union of the clergy of the Saratov diocese.»

Keywords: Saratov diocese, clergy land, payment for occasional offices, exile of the clergy, election of the clergy, Episcopal Council, «Professional Union of the clergy of the Saratov diocese».

В новый, 1917 год Саратовская епархия вступила с радостными ожиданиями. В новогоднем послании к пастве епископ Палладий призвал всех православных «спешить делать добро»: собирать подарки для армии, посещать раненых в лазаретах, подписываться на военный заем, организовывать приюты для сирот¹. Действует Епархиальный лазарет, в котором постоянно находятся на лечении 50–60 военнослужащих. На место выздоровевших поступают новые раненые. Архиерей регулярно посещает приходы епархии и духовную семинарию. Действует Саратовский епархиальный комитет по оказанию помощи воинам и их семьям, духовенству епархии вменяется в обязанность в проповедях внушать прихожанам терпеливое и милосердное отношение к беженцам. С началом Великого поста возобновляются «Пастырские чтения», устраиваемые Братством Святого Креста в защиту веры против неверия. Первая лекция состоялась вечером 19 февраля.

¹ См.: Саратовские епархиальные ведомости (далее — СЕВ). 1917. 1 января. № 1. С. 14–18.

8 марта в кафедральном Александро-Невском соборе состоялось оглашение манифеста об отречении императора Николая II от престола за себя и за сына и об отречении великого князя Михаила Александровича. Манифесты были оглашены с амвона. После прочтения манифестов Преосвященным Палладием было сказано слово к пастве. Владыка приглашал всех в единении христианской любви приступить к дружной работе по созиданию нового государства и спокойно ждать созыва Учредительного собрания, которое должно выразить волю всего русского народа. Затем был отслужен молебен и возглашено многолетие Временному правительству и христолюбивому воинству².

Но «спокойно» ждать многие из духовенства уже не согласны. И «Епархиальные ведомости», хотя сами и еще не публикуют, но охотно перепечатывают из «Саратовского вестника» призыв священника Вл. Приходского (псевдоним): «Братия сопастыри! Духовенство родной земли! Великое и долгожданное освобождение народа стало совершившимся фактом. Старая, продажная, изменившая Богу и родине власть больше не существует <...> Братья сопастыри! Время политического гнета и насилия прошло безвозвратно. Новое правительство уже объявило гражданскую и религиозную свободу народа. Униженная, опозоренная старой полицейской властью, вздохнет свободная теперь наша церковь. Новое положение ставит пред нами, вождями народного духа, и новые великие и святые задачи: помочь народу освободиться от оков духовного рабства так же, как освободился он сам от оков рабства политического <...> Братья сопастыри! Теперь от нашего поведения, от нашей работы не столько будут зависеть судьбы отчизны, сколько положение и будущее нашей матери-церкви. Вместе с решением вопроса о форме будущего правления в стране неизбежно решится вопрос и о нашем церковном строе: решится

² См.: СЕВ. 1917. 11 марта. № 8. С. 270.

вопрос о том, нужна ли народу наша работа, нужна ли будет ему та церковь, которая двести лет поддерживала и охраняла полусгнивший труп старого государства. Братья сопастыри! Только нашей горячей, свободной, самоотверженной работой на благо народа, во имя великого светлого будущего страны, только и можем мы теперь завоевать право на достойное положение в освобожденной стране. Новое будущее несет нам много отрадного, оно несет раскрепощение великого народного духа, оно несет свободу слова и совести, свободу высокой истинно христианской культурной народной работы. Оно несет не только исполнение всех чаяний народной души, оно несет и подлинное церковное освобождение: возможность и неизбежность скорого соборного воскресения нашей измученной и подавленной церковно-общественной жизни»³.

Однако не прошло и месяца после наступления «нового будущего», несущего «подлинное церковное освобождение», как в повестке дня Съезда духовенства Саратовской епархии 14 апреля 1917 года появляются следующие вопросы:

«2. Меры к ограждению духовенства от произвола прихожан и материальное обеспечение причтов, лишившихся мест по приговорам и решениям прихожан.

3. Вопрос об определенном содержании духовенства от прихожан, взамен платы за требоисправления в тех местах, где возникли недоразумения в этом между духовенством и прихожанами.

4. Наделение причтов душевым наделом полевой, сенокосной и усадебной земли и лесом на равных правах с прихожанами в тех приходах, где прихожане явочным порядком завладели церковной причтовой землей»⁴.

До большевистского «Декрета о земле» еще полгода, а крестьяне уже начали захватывать причтовую землю

³ Там же. С. 272.

⁴ СЕВ. 1917. 1–11 апреля. № 10–11. С. 359.

и выгонять своих священников, а вопрос о «недоразумениях» между духовенством и прихожанами в вопросе платы за требы говорит сам за себя.

22 марта Собрание духовенства города Саратова впервые посетил Преосвященный Палладий, епископ Саратовский и Царицынский, который, в частности, сообщил, что уже с 5 марта он стал получать с разных сторон требования прихожан о немедленном удалении из приходов некоторых иереев, и предложил Собранию высказаться по этому вопросу. Собрание постановило: «Заявления прихожан о нежелании иметь того или иного члена причта немедленно тщательно расследовать, для чего в каждом благочинии избрать особую комиссию в составе: выбранного Благочинного, о. духовника и представителя от мирян; если расследование подтвердит обвинение прихожан, Комиссия должна принять все меры к примирению сторон и, если это не удастся, сообщить свое заключение Епископу; если член причта сам сознает, что ему в данном месте невозможно служить, просить Епископа немедленно переводить такового на равноценное место; в случаях сомнительных или когда нет равноценного места, просить Владыку временно командировать изгоняемого на одно из вакантных мест; в) предложить собратиям морально поддерживать друг друга и не стремиться занять те места, откуда удален тот или другой член причта; с другой стороны — просить Епископа не спешить с назначением сюда новых лиц; г) оказывать безвозвратную материальную помощь обиженным из средств Попечительства о бедных духовного звания, Комитета о беженцах, Епархиального Комитета о воинах и Свечного завода, для чего просить названные учреждения устроить Соединенное с Советом духовное Собрание для обсуждения данного вопроса»⁵.

21 апреля 1917 года Саратовский епархиальный экстренный съезд духовенства и мирян Саратовской епархии,

⁵ СЕВ. 1917. 21 апреля. № 12. С. 407.

заслушав труды Комиссии по вопросу об удалении из приходов членов причта и о притеснениях, чинимых прихожанами в настоящее время, выразившихся в захвате церковно-причтовой земли и т. д., постановил:

1. «Имея в виду безвыходное положение членов клира, удаленных по тем или иным причинам из приходов, немедленно оказать им полное братское содействие и материальную помощь.

2. В каждом церковном благочинническом округе немедленно организовать для этого из наличных членов причта и благочестивых мирян Комитет, в количестве восьми (8) избранных округом человек в составе 2 священников, 1 диакона, 1 псаломщика и 4 мирян, на который и возложить разрешение всех возникших и возникающих недоразумений в приходах округа между клиром и мирянами <...>

5. Если расследование не приведет к соглашению членов клира с прихожанами, но потерпевшие окажутся невиновными, немедленно просить Епископский Совет предоставить потерпевшим равноценный приход. При чем приход обязан обеспечить потерпевшего (в случае невиновности последнего) уплатой содержания за 2 месяца вперед, а священник, исправляющий за него требы, уплачивает ему половинную часть всех доходов <...>

7. Денежная помощь всем потерпевшим членам клира должна быть оказана безвозвратная»⁶.

Уже 5 мая Синод издал указ с целью улучшить положение священников, изгнанных из прихода, разрешая им временно перейти к светским занятиям⁷.

18 мая главный редактор «Саратовских епархиальных ведомостей» взял интервью у управляющего епархией, Пресвященного Досифея, епископа Вольского. Во время беседы владыке был задан и такой вопрос: «Сократились ли

⁶ СЕВ. 1917. 1 мая. № 13. С. 453–454.

⁷ См.: Церковные ведомости. 1917. № 18–19. С. 117.

случаи изгнания духовенства прихожанами и разных эксцессов по отношению к духовенству?» Ответ: «Сейчас как будто нет той остроты, какая в первые дни революции наблюдалась в некоторых приходах в отношениях прихожан к своему духовенству. Однако случаи удаления прихожанами своих духовных лиц и теперь продолжаются. Затруднениями к устройству таких лиц в новых приходах являются разборчивость их в выборе для себя подходящих мест при крайней ограниченности числа этих мест и при наличии у прихожан желания иметь у себя при церквях избранных ими священнослужителей»⁸.

Когда редактор выходил из Архиерейского дома, он увидел множество священников и крестьян, разбившихся на кучки и о чем-то оживленно беседовавших. «К нам подошел знакомый священник и сказал: «Эти священники, которых вы видите беседующими с крестьянами, — все это изгнанники из приходов, подыскивающие себе подходящих мест, а эти мужички не кто иные, как “вышибалы”, хлопочущие об удалении из приходов негодных им лиц. Сейчас, продолжал он, при мне один священник упрашивал этих мужичков — уполномоченных от приходов — принять его в свой приход и обещал угодить и понравиться им. Чистое Божеское наказание, — закончил мой собеседник свои слова, — из одной кабалы мы попали в другую и теперь положение старинных “крестцовых” попов кажется нам уже не таким плохим, как рисовалось оно нам раньше»⁹.

Разбираемые в Епископском Совете дела дают нам представление о том, что представляли из себя на практике случаи «удаления священника из прихода»: «а) 30 апреля Терновский сельский сход, терроризируемый толпой прибывших на побывку солдат, постановил уволить священника Орлова и его сослуживца на диаконской вакансии

⁸ СЕВ. 1917. 21 мая. № 15. С. 519.

⁹ Там же. С. 520–521.

Тифлова (т.е. второй священник служит в приходе за диаконскую зарплату. — *Авт.*). Священником Орловым было предложено священнику Тифлову соблюдать тесное единение и уклоняться от дел по приходу, но священник Тифлов, согласившись на слова с о. Орловым, стал самостоятельным совершать требы и отправлять богослужения. Сообщая о некорректном и нетоварищеском поступке о. Тифлова, о. Орлов просит Совет вынести решительное постановление, ограждающее личность приходского пастыря от происков их сослуживцев и разных низких лиц и в частности уволить в заштат о. Тифлова, что поставило бы прихожан пред вопросом: нужен им священник или нет?

б) Заявление священника с. Никольского Труева Кузнецкого уезда, перемещенного в сл. Котовую Камышинского уезда Дмитрия Славина о деятельности священника с. Поселок о. Туркина, который самовольно, без согласия о. Славина и без ведома местного благочинного, революционным порядком занял его, о. Славина, место и тем помог небольшой кучке прихожан недоброжелателей о. Славина вынести приговор об его удалении из прихода.

в) Заявление гражданина с. Камзолки Петра Кузьмина, временно проживающего в с. Бекове Сердобского уезда, который, узнав о состоявшемся приговоре об удалении из прихода местного приходского священника о. Иоанна Голубева, навел самые тщательные справки об обстоятельствах, сопровождавших это удаление, причем оказалось следующее: о. Иоанн Голубев был удален по настоянию небольшой группы прихожан, причем ему было запрещено совершать богослужение в приходском храме. В день Св. Пятидесятницы прихожане, чтобы не оставаться без церковной службы, привезли из г. Сердобска иеромонаха, который совершил литургию; на второй день праздника разрешили отслужить литургию о. Голубеву, который по окончании литургии произнес проповедь, настолько глубоко тронувшую сердца

его прихожан, что многие из них обращались к сельскому старосте с просьбой созвать сход для пересмотра решения об о. Голубеве, но в этом им было отказано “за недосугом” созвать сход.

Епископский Совет определил: Усматривая из приведенной докладной части настоящего журнала сообщений о. Орлова, о. Славина и гражданина Кузьмина, а также руководствуясь впечатлениями, полученными членами Епископского Совета из бесед их с членами клира, лишенными по приговору прихожан приходов, и с уполномоченными сих приходов и принимая во внимание, что гонению из приходов подвергаются почти исключительно священники, Саратовский Епархиальный Епископский Совет устанавливает наличность следующих прискорбных и недопустимых явлений в приходской жизни епархии и в отношениях членов клира между собою: а) руководителями прихода в вопросе об удалении священника из прихода являются очень часто или небольшая группа враждебно настроенных к священнику лиц, или даже отдельные лица, часто притом или совершенно индифферентно относящиеся к церковной жизни, или даже не проживающие в последнее время в приходе; б) акты об удалении священников составляются во многих случаях террористически, путем угроз по отношению к тем прихожанам, которые не желали бы оскорблять незаслуженно своего пастыря; в) благодарная почва для агитации за удаление священника во многих случаях подготавливается или низшими членами клира, которые стремятся занять место священника и получают о том приговоры прихожан, или сослуживцами священниками, которые вместо поддержки своих собратий идут против них, преследуя свои личные интересы; такова, напр., деятельность некоторых священников, состоящих на диаконской вакансии, для которых удаление штатного священника из прихода сопровождается вынесением приговора о назначении их на штатное ме-

сто, и определяет: 1) о всех случаях удаления священников из приходов производить самое тщательное расследование чрез вновь организованные в округе благочиннические советы; 2) в случае выяснения агитационной деятельности членов клира против своих собратий с целью занять их место или из других побуждений таковым лицам не давать места в епархии; 3) в приходы, вынесшие неправильно поставленные приговоры об удалении священника, если после объяснения дел священник не будет восстановлен, не назначать другого священника, а приписывать к другим приходам, чтобы этой мерой вразумления привлечь их к большей осмотрительности в решении столь важного вопроса, который должен быть решен по желанию прихода, а не происками отдельных лиц; 4) призвать всех членов клира к тесному единению между собою и взаимной поддержке в пору переустройства жизни и укрепления нового строя на началах свободы, равенства и братства»¹⁰. Не помогло. К июню 1917 года в Саратовской епархии насчитывается более ста случаев изгнания духовенства из приходов¹¹. Дело доходит до создания «Профессионального союза духовенства»!

Приводим некоторые параграфы из «Устава Профессионального союза духовенства Саратовской епархии»:

«1) В целях оказания материальной помощи духовенству епархии учреждается в г. Саратове “Профессиональный Союз духовенства Саратовской епархии”.

2) Все без исключения духовенство епархии, и приходское, и безприходное, — обязательно состоит членом Профессионального Союза и вносит ежемесячно членские взносы.

3) Обязательный ежемесячный взнос определяется: со священника 3 руб., диакона — 2,25 и псаломщика 1,50. <...>

7) Ближайшая задача Союза — оказание безвозвратного пособия клирикам, удаляемым по требованию прихожан

¹⁰ СЕВ. 1917. 1 июня. № 16. С. 567–569.

¹¹ См.: СЕВ. 1917. 11–21 июня. № 17–18. С. 610.

из приходов и не имеющим другого места, причем помощь эта должна быть в размере по 20 руб. на каждого члена семьи ежемесячно, будь это священник, диакон или псаломщик — безразлично. Помощь оказывается до получения клириком места, но не более, как в течение 6 месяцев»¹².

С 10 по 15 августа 1917 года работает Епархиальное собрание духовенства и мирян Саратовской епархии. В его постановлениях неоднократно повторяется мысль о недопустимости вышеописанного положения духовенства. При этом обращает на себя внимание пункт 6–7 журнала № 16: «Признать необходимость изменения нынешнего унижительного для духовенства способа содержания назначением ему определенного жалованья от казны и 7) совершенную недопустимость, чтобы духовенство служило орудием светской власти»¹³. То есть духовенство епархии прекрасно понимает, что корень всех раздоров между ним и прихожанами — это денежное содержание священника. Вековая проблема русского духовенства! Прихожане хотят, чтобы священник обходился как можно дешевле, а он тоже человек, и человек семейный, со своими материальными запросами. И где же ищут выход? В «жаловании от казны»! Никто даже не помышляет о возрождении церковной десятины. Но при этом «совершенно недопустимо, чтобы духовенство служило орудием светской власти», то есть зарплату платите, а мы вам ничего не должны. Какая наивность! А крестьяне? Ведь в дореволюционной России они самое верующее сословие. Верующее, но воцерковленное ли? Как точно описал этот крестьянский тип А.И. Солженицын в образе дворника Спиридона из романа «В круге первом»: «Его родиной была — семья. Его религией была — семья»¹⁴.

Одним из главных достижений революции было выборное начало, которое применялось где только можно. О вы-

¹² СЕВ. 1917. 1 октября. № 28. С. 984–985.

¹³ СЕВ. 1917. 21 августа. № 24. С. 845–846.

¹⁴ Солженицын А. В круге первом. М., 2006. С. 415.

борах саратовского архиерея уже писалось в первой части этой статьи. Но как проходили выборы низших членов клира? Об этом читаем в статье священника села Алмазов Яр Александра Синебрюхова: «Один диакон на псаломщицкой вакансии (то есть служивший диаконом за псаломщицкую зарплату. — *Авт.*), прослуживший на духовной ниве 26 лет, задумал не столько для себя лично, сколько ради большей возможности к оказанию материальной поддержки своим родственникам-сиротам, просить себе штатного диаконского места в каком-нибудь сельском приходе. В Саратове ему было сказано, что предоставить ему место можно, но он определенно должен указать приход, куда он желал бы поступить. Диакон перебрал несколько приходов, в которых по последнему номеру Епархиальных Ведомостей значились вакансии, но в дело не попал, так как все эти вакансии уже были замещены. Тогда проситель заявил, что он готов даже занять место не по своему выбору, а “по усмотрению” распоряжающихся раздачею мест. На это проситель услышал такой ультиматум: “Хорошо, но только если вас там (т.е. в приходе, данном по усмотрению) не примут, то вы будете уволены в заштат”. Проситель, очертя голову, бросился в бездну неведомого, обусловленного столь грозным “категорическим императивом”, и, согласившись на предъявленный ультиматум, оставил где следовало свое прошение о штатном диаконском месте, а сам, истративши на поездку 35 рублей, воротился восвояси. Здесь этот “злополучный одиссей” жил надеждою на “милостивую резолюцию”. И наконец, почти чрез два месяца он имел счастье прочесть на своем прошении следующую резолюцию: “1917 г. 13 июня. Согласно определению Епископского Совета, предложить псаломщику-диакону NN представить приговор прихожан и, по представлении такового, иметь суждение о его назначении”. Мы не будем входить в критическую оценку этой резолюции, а лишь скажем, что вышеупомянутое

в резолюции “предложение” неприемлемо, по существу неприемлемо. Мы отлично понимаем, что в подобном предложении Епископский Совет выводит на сцену принцип выборности — выборное начало в применении к духовенству. Это — превосходно, по-новому, по-настоящему. <...> Но спрашивается, каким путем я должен добиться приговора прихожан о моем избрании на служение к ним? Должен ли я путешествовать по весям и городам Саратовской епархии или же ждать где-нибудь счастливого случая, когда меня сами прихожане весей и градов отыщут и вручат мне приговор? <...> Епископский Совет все духовенство выгонит “на перекрестки” (“крестцовики”), так как ведь нет никакой возможности для духовенства разъезжать по деревням и предлагать там и сям себя, как “живой товар”»¹⁵.

В статье «Думы и заботы наших читателей» читаем: «Свящ. А. М — в спрашивает нас, каким образом ныне при выборном начале сельские священники могут быть избираемы прихожанами городских церквей, причем сообщает, что лично он, о. М — в, с этою целью обратился в комитет объединенных прихожан г. Саратова, подав туда следующее свое заявление: “Имею честь заявить комитету — разумею Комитет объединенных православных прихожан г. Саратова — о моем желании быть при первой возможности приходским священником при одной из свободных церквей г. Саратова. Цель настоящего моего заявления — иметь возможность получить надлежащие полномочия от прихода, если на это будет преподано благословение и местного Епископа. Основным и главным условием поступления в приход я признаю только избрание священника прихожанами, что возможно только в том случае, если он будет известен им. Для последней цели находил бы необходимым предварительно служить в приходе месяц,

¹⁵ СЕВ. 1917. 21 сентября. № 27. С. 964–965.

год, два или три года, дабы дать полную возможность прихожанам узнать и оценить меня и вынести уже после сего окончательное свое решение о желании или нежелании иметь меня постоянно своим Пастырем”¹⁶. А в № 111 “Саратовского листка” от 26-го мая сего года уже можно было прочитать следующее объявление: “ПРЕДЛАГАЮ УСЛУГИ. Священник, студент семинарии (то есть закончил полный курс семинарии. — *Авт.*), знаю простое и нотное пение. Без подготовки на любую тему могу сказать проповедь, надеясь на ее успех, голос имею чистый баритон, могу служить и тенором. Прихожанами всюду был любим. Имею аттестат от прихожан. Условия: триста рублей ежемесячного жалованья, необязательные требы по соглашению, готовая квартира и отопление. Адрес в редакции”¹⁷.

К этому присоединилась еще и борьба из-за мест среди духовенства. А какие же выборы без конкурентной борьбы? Это в полной мере борьба всех против всех. Псаломщики полагают, что они вполне достойны занять диаконское место в приходе, диакон думает, что он может занять место священника в том же приходе. И священник, и диакон, и псаломщик уверены, что они вправе домогаться лучшего места где-либо в других приходах. Места эти заняты живыми людьми, но это не останавливает кандидатов на живые места. Каждый из таких кандидатов старается внушить прихожанам, что он именно, а не кто-либо другой будет для них лучшим клириком. А чтоб расположить выборщиков к себе, он является в приход, начинает волновать прихожан против имеющихся членов клира и, зная слабую крестьянскую струнку, обещает, что за требы он будет брать меньше, чем берет тот, чьего места он добивается. Крестьяне легко поддаются на такие речи,

¹⁶ СЕВ. 1917. 1 июня. № 16. С. 560–561.

¹⁷ Там же.

и, в результате, — приговор об изгнании того члена клира, места которого добиваются. «А затем начинаются выборы... Нередко являются на освободившееся место два-три кандидата, кроме того или тех, кто добился изгнания предшественника. Сначала они показывают пред прихожанами свое искусство в служении, а затем начинают уверять, что каждый из них будет для прихожан самым выгодным, т. е. самым дешевым. К счастью, теперь не продают водки. А то случилось бы то, что случилось в 70-х гг. XIX в., по местам, где выбирали клириков: кандидаты на места клириков, вероятно, выставляли бы „угощение” своим выборщикам, а может быть, кое-что выставляют и сейчас. И нужно прямо сказать, что ничто так не роняет авторитета духовенства в глазах прихода, как эти подкопы клириков одних против других, как эта торговля с прихожанами из-за платы за требы: он дорого берет, я возьму меньше...»¹⁸.

Надежды на светлое будущее тают с каждым днем. Суровая реальность глубочайшего кризиса становится все более осязаемой. В редакторской статье «Саратовских епархиальных ведомостей» читаем: «Россия по наклонной плоскости неудержимо катится в бездну. Грабежи, убийства, самые возмутительные насилия над личностью граждан совершаются безнаказанно ежедневно на улицах и площадях городов, на дорогах, по селам, лесам и полям и в довершение всего над всею Россией распростер свои страшные крылья грозный призрак голода»¹⁹. Пытаясь заглянуть в недалекое будущее, председатель Епископского Совета протоиерей Алексей Хитров рассуждает: «...анархия в приходской жизни, произвол в отношениях к духовенству — мы надеемся — с Божией помощью в недалеком будущем прекратятся. А дальше? Вот это-то

¹⁸ СЕВ. 1917. 1 июня. № 16. С. 970–971.

¹⁹ СЕВ. 1917. 1 сентября. № 25. С. 881.

“дальше”, пожалуй, будет пострашнее настоящего. Всем известно, что все епархиальные учреждения: епархиальные женское и мужское духовные училища, Духовная Семинария, епархиальный детский Приют, богадельни и проч. в настоящее время или всецело, или в большой мере содержатся на средства епархиального Свечного Завода. Но мы не знаем — всем ли известно состояние кассы Свечного Завода; нам не известно — все ли духовенство знает, что сметы по содержанию этих учреждений во второй половине 1917 и в 1918 гг. сведены бывшим в августе епархиальным собранием с громадным дефицитом, и этот дефицит выражается в сумме 300000 р., и это теперь, когда наблюдается усиленный расход восковых свечей и когда цена за свечи доведена до 160 рублей за пуд <...> Что будет с нашими учреждениями (имеем в виду главным образом духовно-учебные заведения), если расход свечей церковно-свечного завода понизится, если свечные заводы лишены будут монопольности в продаже свечей, если церковные старосты, несмотря на протесты духовенства, будут брать свечи для церквей на стороне? Что будет с нашими учреждениями в том случае, если доходы Свечного Завода и не уменьшатся, но распоряжение ими будет зависеть в большой степени от мирян? Читающий — да разумеет»²⁰.

А дальше было то, о чем и протоиерей Алексей Хитров не догадывался. 23 января (5 февраля) вступил в силу большевистский «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви», лишавший Русскую Православную Церковь прав юридического лица, собственности, образовательной системы и др. Но вовсе не большевики начали гонения против Православной Церкви в России, они только использовали, поощряли и усиливали те антиклерикальные настроения и внутрицерковные

²⁰ Там же. С. 987.

противоречия, которые уже существовали до их прихода к власти и были, с одной стороны, многовековым наследием прошлого, а с другой — результатом какого-то массового помешательства, отсутствия духовной трезвости и даже элементарной человеческой порядочности, как в прихожанах, так и в духовенстве.

Попытка реконструкции других сторон епархиальной жизни в революционном 1917 году будет предпринята в следующей части настоящей статьи.